Загорнов, А. А. Судебная реформа 1864 г. и капиталистическая модернизация Российской империи / А. А. Загорнов // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2009. — С. 235–241.

А. А. ЗАГОРНОВ

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Во второй половине XIX в. Российская империя вступила на путь широкого реформирования, целью которого была модернизация страны.

Анализ различных аспектов масштабных преобразований того времени позволяет полнее раскрыть их содержание и, самое главное, глубже определить их значение.

Сам характер изменений, происходивших во второй половине XIX в., в том числе и на территории нашей страны, связанный с утверждением новой системы отношений (экономических, социальных, правовых, политических), позволяет провести некоторые аналогии с положением в Беларуси после распада СССР. Опыт реформ XIX в., их комплексность, а также просчеты и неудачи организаторов «перестройки» того времени — все это следует учитывать при совершенствовании современной модели развития Республики Беларусь.

Важно отметить, что модернизационная ретроспектива «в состоянии обеспечить исследователей важными ориентирами для систематического построения новой теории социальных изменений» [5, с. 41].

Преобразования 60—70-х гг. XIX в. сыграли важную роль в истории Российской империи. Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы в области суда, местного самоуправления, образования, печати имели большое политическое и социальное значение, способствовали постепенному переходу к капиталистической модернизации.

По существу, они стимулировали переход от системы принудительного труда к свободному, от административно-мобилизационных методов к рыночно-капиталистическим.

Институциональные перемены указанного времени дали серьезные импульсы социокультурным, политическим, экономическим изменениям, постепенной трансформации традиционного «полицейского» государства с присущими ему гипертрофией государственной власти, политической пассивностью общества, специфической психологией, в соответствии с которой все управленческие решения должны быть безусловно монополизированы государственными служащими, а приоритет в сфере права отдан принуждению к послушанию, а не защите прав

личности и гражданских прав, в более либеральное правовое государство [5, с. 62]. Его концепция признавала паритет общества и государства, взаимоотношения которых призвано регулировать достаточно автономное право, реализуемое профессионалами — специалистами в этой области.

Профессиональные юристы во второй половине XIX в. получили возможность воплотить свои идеалы в новых судебных институтах, в рамках которых «прерогатива правотолкования и правоприменения стала достоянием профессионального суда» [6, с. 480].

Судебная реформа 1864 г. проводилась наиболее последовательно, она, как никакая другая, отразила либеральное начало, что имело далеко идущие последствия. Целью глубокого изменения судоустройства и судопроизводства было приспособление государства к новым условиям развития. Для этого необходимо было создать эффективный механизм защиты личности и собственности.

По мнению юристов второй половины XIX в., ориентированных на западную правовую систему, для построения правового государства необходимо было «создание единой и однородной для всех граждан судебной системы, упразднение внесудебной полицейской практики и практики военных трибуналов, гласность и введение института присяжных, защита индивидуальных прав и гражданских свобод, всеобщее знание статутного права, рациональная кодификации законов, постановка судопроизводства на нормативную основу и независимость судебной власти» [1, с. 272].

Успех других преобразований второй половины XIX в., экономика страны, по мысли реформаторов, в значительной степени зависели от состояния судебной сферы.

Основу судебной реформы составили четыре закона, утвержденные 20 ноября 1864 г.: «Учреждение судебных установлений», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Судебные уставы, построенные на буржуазных началах, отделили суд от администрации, ввели гласность и публичность судебных заседаний, состязательный процесс, содействовали обеспечению равенства всех граждан перед законом и независимости судей, заменили теорию формальных доказательств свободной их оценкой по внутреннему убеждению судей. По судебной реформе четко определились

судебные инстанции и разграничились их компетенции, сама система судов в значительной степени упростилась.

Важно отметить одно из приоритетных положений в законодательном обеспечении процесса реформирования гражданско-процессуального кодекса, призванного обеспечить поступательное движение экономики, развитие гражданского оборота, защиту прав личности в экономической сфере, ограничить конфликты прав и интересов частных лиц по вопросам собственности.

Гражданское право с его центральным институтом права собственности постепенно освобождалось от стеснений и ограничений прошлого времени и проникалось буржуазными началами.

В гражданском судопроизводстве вводились четкие, ясно сформулированные правила: выделялись два порядка судопроизводства — общий (пространный) и простой (сокращенный); гражданские дела подлежали рассмотрению не более чем в двух инстанциях; вместо следственного процесса в гражданских тяжебных делах был учрежден процесс состязательный; сторонам предоставлялось право на получение квалифицированной юридической помощи; простые и малозначительные дела подлежали рассмотрению в сокращенном порядке; запрещалась подача тяжущимися неограниченного числа бумаг, количество их было сокращено — по две с каждой стороны; упорядочивались судебные издержки; устанавливались правила о доказательствах и отменено право суда назначать присягу тяжущемуся как судебное доказательство; предусматривалось участие в гражданском процессе прокурора как представителя государства; регламентировалась постановка вопросов при решении дел и судам вменялось в обязанность мотивировать свои решения; отменялись штрафы за неправые иски и за апелляционные жалобы, признанные судом неправильными; высший надзор за рассмотрением гражданских дел был возложен на Гражданский кассационный департамент Сената; исполнение решений поручалось судебным приставам, состоящим при судах [4, с. 55—56].

Существенно изменялось и уголовное право. По судебным уставам закреплялись принципы гласности, состязательности, презумпции невиновности, обеспечивалось право на защиту. Статус обвиняемого расширялся — он получал ряд гарантий: при производстве следствия судебный следователь обязывался учитывать все обстоятельства относительно обвиняемого, как обличающие, так и оправдывающие; взятие под стражу как мера пресечения предусматривалось в основном при подозрении в совершении тяжкого преступления; следователь должен был использовать только законные средства, в том числе и в случае отказа обвиняемого отвечать на вопросы; закреплялась возможность уча-

ствующих в деле лиц подавать жалобы на любое следственное действие, нарушающее их права; предусматривалось право предъявления иска о возмещении вреда и убытков, причиненных незаконными действиями должностных лиц [4, с. 56—57].

Новая система судов состояла из двух частей: местных и общих судов. К местным относились мировые суды, съезды мировых судей и волостные суды. Их задачей являлось четкое и быстрое рассмотрение малозначительных гражданских и уголовных дел. Важной фигурой местного правосудия становился мировой судья, который избирался сроком на три года и единолично разрешал дело. Общие суды состояли из окружных судов и судебных палат. Важным звеном всей судебной системы и судом первой инстанции в общей юрисдикции был окружной суд. Именно на этом уровне вводился новый институт — суд присяжных. Рассмотрение дел с участием присяжных заседателей представляется прогрессивным нововведением, так как в большей степени ограничивался произвол и обеспечивалось участие населения в отправлении правосудия.

Судебная реформа ввела понятие об административной юстиции, о предоставлении индивидам прав на защиту себя от злоупотреблений администрации. При этом, однако, четкие механизмы реализации таких прав так и не были разработаны.

Отделение суда от администрации создало властям Российской империи трудности, с которыми не сталкивались другие государства, развивавшиеся по абсолютистской модели.

Прусская администрация, которая воспринималась как образец институциональной эффективности, порядка и власти, имела опыт работы с юристами и чиновниками, разбиравшимися в вопросах права и способными взаимодействовать с системой независимых судов. Поэтому суды и администрация действовали в целом согласованно.

Опыт Японии, которая переняла систему правосудия у Германии во второй половине XIX в., существенно отличался от российского. Суд в Японии, как и в России, традиционно не почитался и существовал в тесной связи с администрацией. Однако судебная реформа, по времени совпавшая с российской, при введении независимых судебных институтов не привела к конфликту между судами и монархией. Отношения между администрацией и обществом в японском варианте складывались достаточно гармонично, в том числе и по причине того, что император не видел угрозы в самостоятельной судебной системе.

В Российской империи, наоборот, утверждение новых судов сопровождалось перманентным конфликтом, в результате которого самосто-

ятельность судебных учреждений ограничивалась, а отношения общества и власти ухудшались [6, с. 476].

Более того, судебная реформа 1864 г., будучи составной частью государственной трансформации, усилила «разрушительные для традиционной власти и государственности тенденции» [2, с. 93].

Верхушечный характер изменений в государстве представлял собой специфическую черту, характеризующую механизм модернизации в Российской империи. Как отмечал Б. Н. Миронов: «Патернализм верховной власти оставался востребованным со стороны народа в течение всего императорского периода» [3, с. 227]. Еще со времен Петра I сформировалась традиция, в соответствии с которой император определял направление, параметры и сроки любых перемен в стране. Последние, как правило, заимствовались на Западе.

Принцип личной власти лежал в основе самодержавия. Участие граждан в такой не связанной правилами системе власти оказало глубокое влияние на судьбу законодательства в империи — законы интерпретировались как нечто, еще более легализующее личную власть [1, с. 721].

Консервативная бюрократия, считающая монарха «первоначалом какой бы то ни было власти», с возрастающей подозрительностью воспринимала альтернативные источники права [6, с. 480].

Государство усвоило «западные формы законности, но без юридических институтов, так что право зачастую представало чуждой прививкой к неформальным и личным отношениям, искони бытовавшим в структурах власти». Характерно, что западные антилегалистские течения были восприняты как правящими, так и оппозиционными группами Российской империи [6, с. 22].

Александр II считал, что, даруя стране «благо либеральных учреждений без конфликтов и насилия, сопровождавших их возникновение в Европе», он тем самым расширит поддержку власти со стороны образованного общества. Однако вместо этого реформы спровоцировали надежды на нечто большее, ожидания общественного участия в управлении.

Так как эти надежды не оправдались, конфликт между властью и оппозицией обострился, более того, последняя радикализовалась и стала активно использовать насилие.

Преобразованные суды должны были быть площадкой, на которой данный конфликт разрешался бы. Однако в полной мере этого не произошло. Последовательное следование принципам судебного реформирования привело бы самодержавие к необходимости дальнейшего

изменения государственной системы. В таком случае остро ставился вопрос о стабильности в этой сложной и большой конструкции, как Российская империя. А для верховной власти сохранение стабильности было смыслом существования.

Правовая модернизация противоречила традиционной модели государственного управления в Российской империи.

Самодержавие, которое стремилось приблизиться к западным образцам, так и не нашло общего языка с судебной властью [6, с. 14]. Это непонимание оказало отрицательное влияние на развитие правовой культуры, которая, в свою очередь, опирается на возможность «установления связей индивидуумов с государством посредством участия в деятельности правовых учреждений» [1, с. 269]. В структуре самодержавной власти суды занимали далеко не центральное место. Отсутствие ограничений со стороны каких бы то ни было органов было традиционной сущностной характеристикой такой власти. Именно в таком качестве она объединила огромную территорию и создала империю.

Преобладание исполнительной власти и зависимое от нее положение суда — эта конфигурация в основе своей сохранилась, несмотря на сам дух и смысл преобразований. Следует добавить, что модель эта с некоторой коррекцией действовала и в советское время.

Судебная реформа 1864 г. положила начало конфликту между исполнительной и судебной властью, так как императоры и губернаторы испытывали недоверие к самостоятельному независимому суду. Кстати, советская власть в этом смысле вернулась к традиции монархического государства, сразу уничтожив начинающие прорастать зерна автономности судебных учреждений, тем самым, превратив «суд в свое собственное послушное орудие», и это при том, что, например, основатель новой системы В. И. Ленин был юристом по образованию [6, с. 11].

Следует отметить, что, несмотря на указанное противоречие между характером изменений судебной сферы и организацией государственности Российской империи, реформирование в целом шло достаточно последовательно и ресурсное обеспечение не ослабевало, хотя страна развивалась в сложных внутренне- и внешнеполитических условиях.

В 1870-е гг. новая судебная система стала распространяться на белорусские и прибалтийские губернии, Сибирь и Кавказ. Число судебных служащих за 30 лет (с 1870 по 1900 г.) увеличилось в три раза, бюджет

министерства юстиции за 1869—1894 гг. также вырос приблизительно втрое [6, с. 480]. Все это позволяет говорить о серьезном укреплении судебной власти.

Судебная реформа 1864 г. способствовала капиталистической модернизации Российской империи, обеспечивая правовое разрешение конфликтов в обществе. Она сама по себе представляла правовую модернизацию, которая оказалась впереди всего процесса преобразований и не во всем была подготовлена предшествующим развитием.

Кардинально изменились судоустройство и судопроизводство. В судебной сфере утверждались новые демократические принципы и институты. Эти судебные порядки вступили в противоречие с основами государственности того времени — абсолютистской формой правления и сословным строем. Данное обстоятельство оказало решающее влияние на реализацию реформы, в частности, вводился ряд ограничений и введение новых судебных учреждений было растянуто на продолжительно время, что, в свою очередь, снижало ее эффективность. Масштабности замысла далеко не всегда соответствовало исполнение. Однако в целом преобразование судебной системы заложило потенциал для изменения всего государства в соответствии с требованиями времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. 332 с.
2. *Андреев, Д. А.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина: Краткий курс X—XXI вв. / Д. А. Андреев, Г. А. Бордюгов. М.: АИРО-ХХ; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 160 с.
3. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. 2-е изд., испр. / Б. Н. Миронов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 2. 568 с.
4. *Немытина, М. В.* Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в. / М. В. Немытина. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 256 с.
5. Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М.: Наука, 2000. 246 с.
6. *Уортман, Р. С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авториз. пер. с англ. М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова / Р. С. Уортман. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.